

НОРМЫ НОВЫЕ — ПРАКТИКИ ПРЕЖНИЕ

Команда против пыток разбирается, что изменилось в правоприменении за два года с момента противопыточных поправок в УК — и как на самом деле в России обстоят дела с вынесением приговоров за силовое насилие

18+

© Команда против пыток, 2024

Распространяется по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
«КОМАНДА ПРОТИВ ПЫТОК»
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
«КОМАНДА ПРОТИВ ПЫТОК»

18+

О чём этот материал

С момента включения в Уголовный кодекс РФ новых составов о пытках прошло чуть больше двух лет. Новому дополнению предшествовало два больших медийных скандала, фигурантами которых стали сотрудники ФСИН — в 2018 году в сеть **попали кадры** издевательств над заключённым одной из колоний Ярославской области Евгением Макаровым; спустя ещё три года Интернет потрясли **видео** пыток из саратовской тюремной больницы. Последствия резонанса привели к тому, что на проблему насилия в правоохранительной системе обратили внимание политики — и в УК РФ появились новые противопыточные составы. В июле 2022 года в статьи «Превышение должностных полномочий» (статья 286 УК РФ) и «Принуждение к даче показаний» (статья 302 УК РФ) **добавили** по две части, прицельно наказывающие госслужащих за применение пыток.

Казалось бы, эта реформа завершила длительный путь по криминализации силового насилия, которое вот уже много лет остаётся весьма чувствительной проблемой для России. Теперь за насильственное посягательство на жизнь и неприкосновенность тех, кто находится во власти государства, — будь то задержанные, осуждённые или военные — **в теории можно получить сроки вплоть до 15 лет лишения свободы**. Такое же наказание, например, предусмотрено в России за неотягощённое убийство или сексуализированные преступления против несовершеннолетних.

Юристы, специализирующиеся на правоохранительном произволе, радовались поправкам 2022 года довольно сдержанно. С одной стороны, реформа по криминализации пыток была реализована в усечённом виде и оставила множество лазеек для того, чтобы виновные могли и дальше избегать соразмерной уголовной ответственности. Например, **пытки не были выделены в отдельную статью**, как того требовали правозащитники и **международные организации**, не стали самостоятельным составом, а лишь дополнили старые нормы. Наибольшему изменению подверглась статья о превышении полномочий — как раз по ней годами судят тех, кого смело можно называть пытателями: — новые части о пытках и

примечание, раскрывающее её определение, появились именно в ней. Но само это определение даже после реформы оставляет желать лучшего.

Что такое пытка в международном праве и почему российское определение не является её эквивалентом

В международном праве прав человека, чтобы определить пытку, необходимо одновременное совпадение шести элементов: преступник — (1) представитель государства, который (2) самостоятельно или через третьих лиц (3) действует или бездействует, чтобы (4) умышленно (5) причинить сильную боль или страдания кому-то (6) с целью запугать, наказать и/или получить признание. Пять компонентов этой формулы из шести были перенесены в УК РФ. Тот факт, что пытка может совершаться собственноручно или через третьих лиц, российский законодатель проигнорировал. Если насилие совершается по просьбе или с подстрекательства представителя власти, оно тоже должно считаться пыткой¹.

Другой проблемой российского определения пытки является слишком узкое толкование «представителя государства». Международное право исходит из того, что пытку может совершать любой человек, наделённый государством властью или правом на насилие: сотрудники ЧОПов, учителя, врачи, казаки и т. д. Российский же УК РФ относится к представителю государства в чересчур буквальном смысле — статья 286, по которой судят пытателей, не рассчитана ни на кого, кроме чиновников, военных и силовиков, которые совершают насилие исключительно своими руками. Если же, например, тюремный надзиратель заставит одного заключённого мучить другого, то это пыткой в глазах российского УК уже не будет.

Мы в этом тексте при упоминании слова «пытка», если не отмечено иное, руководствуемся именно международно-правовым определением.

¹ Делегирование как способ совершения преступления с 2003 года упоминается только в статье о принуждении к даче показаний (статья 302 УК РФ) — однако оно относится не к пытке, а к объективной стороне такого принуждения. Другими словами, сотрудника правоохранительных органов, чужими руками понуждающего человека к даче показаний, — не обязательно с применением насилия, — можно привлечь к ответственности, а применяющего насилие опосредованно — формально нельзя, так как соответствующей ремарки нет в примечании к статье 286 УК РФ, раскрывающей определение пытки.

С другой стороны, любая прямая криминализация подобных деяний — **уже прорыв**, ведь долгие годы в Уголовном кодексе вообще отсутствовало хоть какое-нибудь внятное понятие «пытки, совершаемых агентами государства»¹, а правозащитникам не к чему было апеллировать, защищая пострадавших. Да и само по себе введение противопыточных составов уже говорит о том, что в **какой-то степени государство** согласилось признать проблему силового произвола. В дополнение к этому у исследователей и правозащитников наконец появилась отдельная строчка в судебной статистике, по которой возможно отслеживать динамику вынесения приговоров за жестокое обращение и пытки.

Статья 286 УК РФ. Превышение должностных полномочий

Как судят по новым частям — в официальной **статистике**

		Осуждено в основной / в дополнительной квалификации ² , чел.		
		2022 год	2023 год	Первая половина 2024 года
Часть 3³				
а) с применением насилия или с угрозой его применения		392 / 34	377 / 45	155 / 18
б) с применением оружия или спецсредств		104 / 17	88 / 25	52 / 10
в) с причинением тяжких последствий		84 / 16	84 / 30	34 / 14
НОВЫЕ НОРМЫ	г) в соучастии	1 / 0	10 / 0	20 / 7
	д) в отношении несовершеннолетнего		2 / 0	2 / 0
	е) из корыстной или иной личной заинтересованности		44 / 11	47 / 18
	Часть 4			
С применением пытки		0 / 0	7 / 0	0 / 0
Часть 5				
С применением пытки, повлекшей по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью		0 / 0	1 / 0	0 / 0

¹ Агентами государства в международном праве называются представители этого государства, наделённые различными властными, управленческими и распорядительными полномочиями, — к ним относятся и лица, которым в том числе может быть делегировано право на насилие (к таковым, например, относятся военные, полицейские или сотрудники медучреждений). Ранее, до 2022 года, в УК РФ пытка упоминалась лишь в разделе о преступлениях против личности и охватывала пытки в самом широком смысле этого слова: фактически они фигурировали в тексте закона как особо изощрённая разновидность истязаний, прибегать к которым одинаково могут и силовики, и любой другой человек. Можно сказать, что ранее понятие пытки появлялось в УК РФ скорее в бытовом, а не юридическом смысле.

² Отчёт о числе осуждённых по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (Форма 10-а Судебного департамента при Верховном суде РФ).

³ Одно преступление может быть квалифицировано по нескольким пунктам одной части статьи УК РФ, например если осуждённый применил одновременно и насилие, и спецсредства. Это означает, что сумма сложения пунктов может быть больше, чем реальное число осуждённых по конкретной части.

Спустя два года после реформы мы решили проверить, какое место пытки занимают в официальных отчётах. Кажется, прошло достаточно времени, чтобы оценить первые результаты поправок. Официальная судебная статистика за всё время существования новых статей рапортует, что за обновлённые «пыточные» преступления (части 4 и 5 статьи 286 УК) первой инстанцией были осуждены всего восемь человек. Осуждённым на момент вынесения приговоров было от 25 до 49 лет. Шестеро из них служили в армии и только двое были сотрудниками правоохранительных органов. Среди фигурантов не было ни одной женщины.

Значат ли эти цифры, что пыток в России нет или стало после поправок меньше? Отнюдь. Статистика в реальности не отражает всей массы дел, по которой на данный момент первая инстанция уже вынесла приговоры. Так, журналисты ещё в конце 2023 года по открытым источникам **нашли** в четыре раза больше кейсов по новым противопыточным составам, фигурантами которых стали 58 человек — среди них 32 сотрудника МВД. Да и мы в реальности наблюдаем существенно большее число судебных разбирательства и приговоров. По обновлённой статье о принуждении к даче показаний (статья 302 УК РФ) и вовсе ещё не было вынесено ни одного обвинительного приговора (впрочем, как и за прошедшее десятилетие — последние осуждённые фигурируют в статистике за далёкий 2013 год). Приговоры по части 3 статьи 286 УК РФ, наказывающей в том числе за применение насилия, выносятся по-прежнему исправно — их число радикально не изменилось. Кажется, что представители государства **продолжают применять насилие, но правоприменители и суды не считают его пыткой.**

Всё это означает, что для анализа практики по новым статьям о пытках судебная статистика не подходит — **для понимания проблемы и оценки эффективности реформы необходимы другие методы и подходы.** Чтобы понять, как судят пытателей через два года после поправок, мы провели небольшое исследование.

Какими данными мы пользовались

При помощи **парсера**, агрегирующего информацию с сайтов российских судов, мы получили выгрузку информации по всем уголовным делам, в графе «Перечень статей» у которых были указаны части 3, 4 или 5 статьи 286 УК РФ. Отсев дел, поступившие в российские суды до 25 июля 2022 года (именно тогда вступили в силу противопыточные поправки), мы получили массив из 1374 карточек, опубликованных в системе ГАС «Правосудие». Из этого числа мы смогли проанализировать **только 326 приговоров** — именно такое количество итоговых решений, описывающих прицельно силовое насилие, опубликовали суды первой инстанции с 2022 года. Мы считали упоминания пытки как основного, так и дополнительного составов. Далее все полученные приговоры мы изучили вручную, разбив каждый текст на перечень необходимых нам для анализа индикаторов. Наша выгрузка актуальна на конец июня 2024 года.

Из имеющегося числа опубликованных текстов только **16 приговоров** были вынесены с упоминанием «пыточной» **части 4 статьи 286 УК РФ** (превышение полномочий с применением пытки). Это уже в два раза больше, чем показывает судебная статистика. Один из приговоров оказался оправдательным, в семи делах суды вынесли решение о переквалификации деяния на менее тяжкое, остальные приговоры оказались обвинительными — пять из них были вынесены разным фигурантам — военным по одному «пыточному» делу в городе Новочеркасске.

С упоминанием **части 5 статьи 286 УК РФ** (пытки, по неосторожности приведшие к тяжкому вреду здоровью или смерти) на конец июня 2024 года российскими судами было вынесено 10 приговоров. Из них опубликовано лишь два. В одном суды переквалифицировали состав на менее тяжкий. Ещё один опубликованный приговор содержал упоминания сразу частей 4 и 5 статьи 286 УК РФ — но и в нём суды сочли, что пытки не было. В обоих случаях фигурантов в итоге осудили за превышение полномочий с применением насилия (по части 3 статьи 286 УК РФ), исключив из квалификации слово «пытка». В итоге в нашей подборке не было ни одного текста решения, наказывающего осуждённого по самой тяжкой из недавно введённых противопыточных норм. Оставшиеся триста с лишним приговоров были вынесены **с квалификацией по части 3 статьи 286 УК РФ** — превышение полномочий с применением насилия и/или спецсредств; однако узнать точное время совершения

преступления — до или после поправок — было нельзя: из-за деперсонализации приговоров из текстов решений удаляются вместе с именами и даты.

Несмотря на ограниченность массива, мы можем говорить о его репрезентативности — полученные выводы, которые было возможно соотнести с данными статистики и материалами, предоставленными правозащитниками (например, о профессии пытателя или о видах и размерах наказания), оказались непротиворечивыми.

Вместе с тем стоит отметить, что достоверный анализ пыток в России сильно затруднён

Большая латентность пытки, ограниченность данных правозащитников, которые владеют информацией только о тех делах, что до них доходят, проблемы квалификации пыток по другим статьям Уголовного кодекса, а также особенности многолетнего формирования статистики без выделения пыток отдельно — всё это сокращает исследовательские возможности и зачастую предполагает лишь вероятностные выводы.

Например, статистика по статье 286 УК РФ не отражает проблему исключительно силового насилия — по части 3 этой нормы могут судить в том числе за бюджетные махинации, хищения госимущества, фальсификацию документов и фабрикацию доказательств, провокации и даже взятки. Выделить из них пытки и применение насилия можно только вчитываясь в каждый отдельный приговор (значительная часть из которых не публикуется). Другая проблема — маскировка пыток другими статьями УК РФ, например халатностью и даже обычным причинением вреда здоровью. Анализ подобной практики возможен только через контекстный поиск по текстам решений.

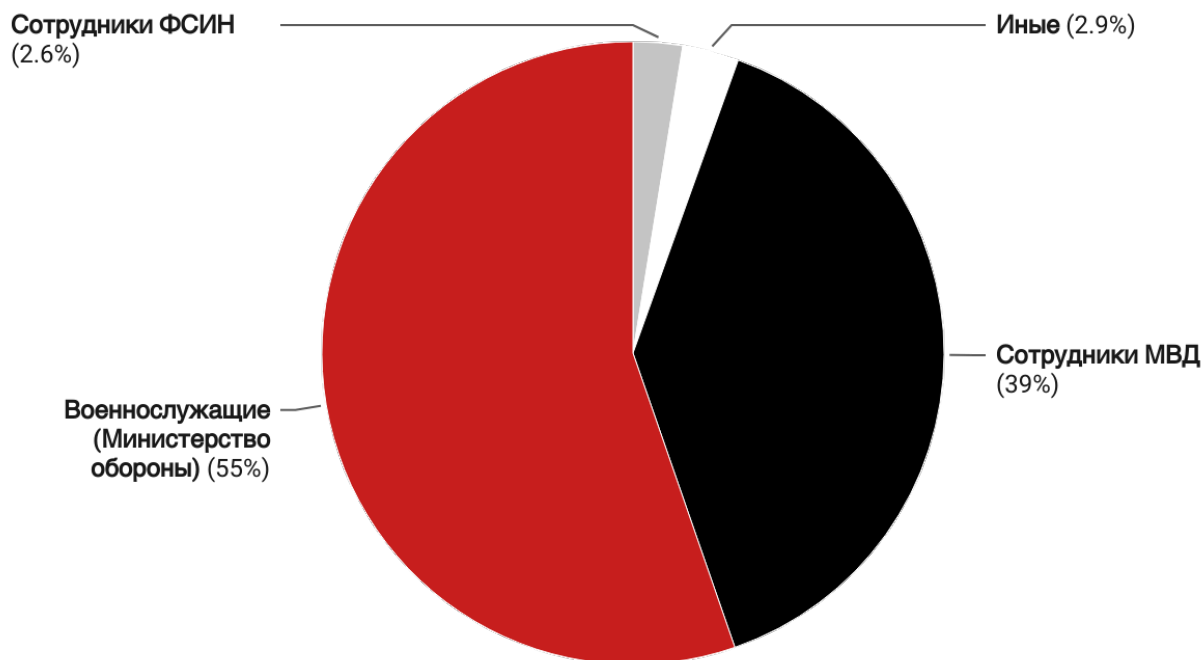
Приговоры, выносимые российскими судами, зачастую написаны формальным языком и содержат очень сдержанное описание насильственного воздействия, что усложняет воспроизведение картины произошедшего. Не всегда достаточно искать приговоры по словам «пытки» или «насилие» — суды могут описывать преступления и без применения таких слов.

Мы изучали полученные нами приговоры, выделяя такие критерии, как число потерпевших, способы пытки, причинённые повреждения, квалификация содеянного и назначенное наказание. На основании этого мы делали последующие выводы. **Обобщения ниже даны по всем трём частям (3, 4 и 5) статьи 286 УК РФ** — это поможет понять, как выглядит пытка в России после реформы 2022 года.

Знакомство с пытателем

«Классическая» пытка в приговорах — вне зависимости от того, о какой части статьи 286 УК РФ мы говорим, — чаще всего применяется по одному и тому же шаблону. Силовое насилие в большей части случаев приходится на военных — не менее половины осуждённых из нашей подборки служили в рядах министерства обороны и совершали насилие в отношении своих подчинённых. Меньшая доля осуждённых приходится на полицейских, и лишь в единичных случаях фигурантами дел становятся сотрудники ФСИН, нацгвардии и ФСБ. При анализе выгрузки можно найти и редкие экземпляры, например когда виновным в применении насилия признают таможенников или сотрудников специализированных интернатов.

Чаще всего фигурантами «пыточных» дел становятся военные

При этом наши данные вовсе не доказывают, что пыток в местах принудительного содержания нет — в силу закрытости учреждений системы ФСИН узнать о насилии, применяемом к населению следственных изоляторов, колоний и тюрем, правозащитникам удаётся крайне редко. Этому способствует экстремальная

ежедневная близость надзирателей и тюремного населения, особенности быта, а также тюремная цензура: отправить на волю сообщение о пытках, оставшись незамеченным и не понеся за свою «отвагу» никаких последствий, крайне сложно. Не зря самые громкие кейсы о насилии в тюрьмах получили огласку благодаря утечкам от самих сотрудников ФСИН, а не через заявления от пострадавших. Приговоры в отношении сотрудников пенитенциарной системы — поистине редкость, **однако у нас нет оснований считать, что это поле, свободное от пыток.**

Возраст осуждённых и их профессиональный стаж зачастую не представляется возможным установить: из-за деперсонализации приговоров из текста удаляются даты рождения и прочие значимые временные отсечки. Правозащитники **отмечают**, что три четверти осуждённых на момент совершения преступления не преодолевают отметку в 35 лет. Также мы не обнаружили ни одного опубликованного приговора в отношении женщин: силовое насилие — прерогатива мужчин.

Почти в 65% случаев пытка совершается в одиночку. На одного пытателя приходится 1,06 потерпевшего

В большинстве проанализированных нами приговоров пытатель действует один. Такая цифра объясняется в том числе тем, что львиная доля решений выносится в отношении военных — паттерны насилия в армии не отличаются вариативностью: командир, недовольный поведением подчинённого, может дать затрещину или проучить его в одиночку, не нуждаясь в помощи коллег (но исключения, разумеется, встречаются). А вот в МВД соучастие более распространено: патрульный или оперуполномоченный нечасто применяет насилие, оставаясь один. При этом мы оценивали деяние как совершённое в соучастии даже в том случае, если коллеги не были осуждены — если из фабулы решения было понятно, что активных или пассивных фигурантов было несколько, то дело по нашей классификации попадало в совершённые в соучастии.

В 72% случаев фигуранты признают свою вину полностью или частично — в последнем случае подсудимые склонны соглашаться с фактом применением насилия, но оспаривают квалификацию в пользу менее тяжкого состава (например с пыток на простое применение насилия). Анализ приговоров не позволяет делать вывод о самом «пытающем» регионе страны. Опубликованные приговоры равномерно рассеяны по всей России.

Как пытаются чаще всего

Не отличается вариативностью и сам паттерн пытки: как правило речь идёт о спонтанных насильственных действиях, применяемых в ситуации, когда силовик или военный решает «обезвредить» своего оппонента, продемонстрировать своё превосходство или за что-то его покарать. Ресурсы у пытателя ограничены: он применяет физическую силу, использует выданные ему спецсредства или подручные предметы, а происходит пытка в подавляющем большинстве случаев в рабочие часы. При этом насилие вписано в нормальную рутину пытателя: он применяет его для работы, для ускорения раскрытия дел или для наведения порядка здесь и сейчас.

Основной повод для насилия — наказание.

А оправдывать пытку поведением самого потерпевшего стремится каждый пятый

Для полицейских поводом для насилия в подавляющем большинстве случаев становится неправомерное или аморальное, как это описывается с их слов в приговорах, поведение задержанных¹. Силовики могут срывать на граждан за излишне бурное отстаивание своих прав, просьбы отвести их в туалет или неадекватное поведение в нетрезвом виде. Оправдание пыток именно поведением задержанных и спонтанной реакцией силовиков на их поступки — один из самых часто встречающихся тезисов в показаниях подсудимых. Реже суды отражают в решениях самую ходовую причину пыток — стремление получить какую-либо информацию, закрыть показатели и поскорее раскрыть дело. Как правило, это

¹ При этом в проанализированных приговорах крайне редко суд соглашается с представлениями силовиков и военных: меньше чем в 10% приговоров в качестве смягчающего обстоятельства для пытателя фигурирует «противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления» (пункт «з» части 1 статьи 61 УК РФ).

маскируется за формулировками о «неправильно понятых интересах службы», но, что интересно, прямо не называется целью преступления.

Военные же склонны применять насилие для наведения порядка, организации дисциплины и в качестве наказания: нередко рядовые получают от начальства за плохо вымытую посуду, оставление места службы, распитие спиртных напитков, потребление наркотиков и прочие «провинности». Солдат наказывают за нарушение распорядка дня, некачественное, по мнению командования, выполнение заданий и даже за **обсуждение хода** специальной военной операции. Встречаются и необычные кейсы — например когда военнослужащие «получают» затрещины от командования за **плохо начищенные автоматы** или **незнание характеристик каски**.

В этом случае пытка — средство для демонстрации превосходства, воздаяния и напутствия другим: публичное применение насилия служит в назидание сослуживцам. Некоторые фигуранты попадают на скамью подсудимых за разные эпизоды насилия, происходившие не одновременно: в разное время они воспитывают одними и теми же методами разных подчинённых.

Почему в России пытаются

Наказание и/или демонстрация превосходства

50%

Реакция на поведение/деяние, совершённое пострадавшим

20%

Личная неприязнь

17%

Карьеризм или улучшение показателей, желание получить показания

6%

Корысть

4%

Попустительство или намеренное игнорирование насилия ради собственной выгоды

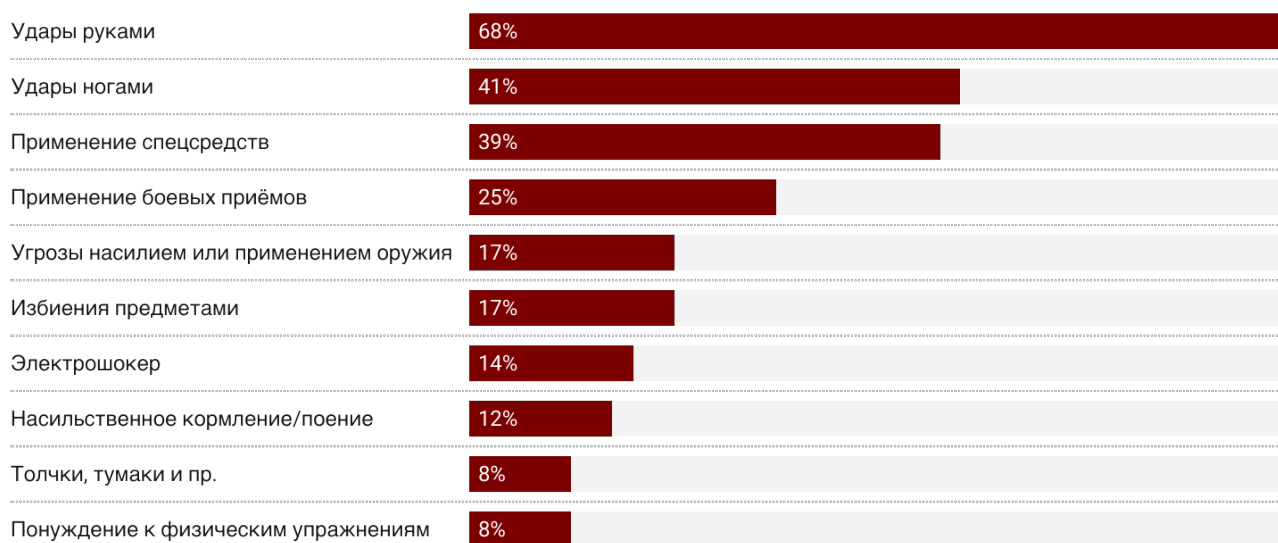
1%

Ответное насилие

1%

В исследовании «Анатомия распада» Команда против пыток **проанализировала** свыше 300 дел, по которым последние 25 лет работали российские правозащитники и в которых они пришли к выводу о нарушении права пострадавших на жизнь или свободу от пыток. Мы посчитали, что рукопашные методы долгие годы остаются самыми востребованными у пытателей, значительно выигрывая у других, более изобретательных способов воздействия. Доля дел, в которых силовиками применяются побои, варьировался с 1998 по 2020 годы в промежутке от 63 до 72%. Это означает, что пытка является максимально контактным преступлением — для воздействия на пострадавшего в ход идут кулаки, боевые приёмы и прочие физические практики. Анализ выгруженных нами приговоров с сайтов судов по своим выводам максимально приближен к этой цифре.

Побои — самый ходовой метод. А вот изощрённые истязания встречаются в приговорах не так часто

В среднем один силовик за один эпизод пытки применяет около трёх разных типов **воздействий**, например бьёт руками, ногами и одновременно с этим высказывает угрозы. При этом изощрённые способы насилия встречаются в общей массе приговоров сильно реже — но всё же время от времени мы находим в решениях судов практики запрета на поход в туалет, привязывания к радиаторам, угрозы сексуализированного насилия в отношении пострадавших. Но все эти издевательства далеко отстают от простого и незамысловатого избиения,

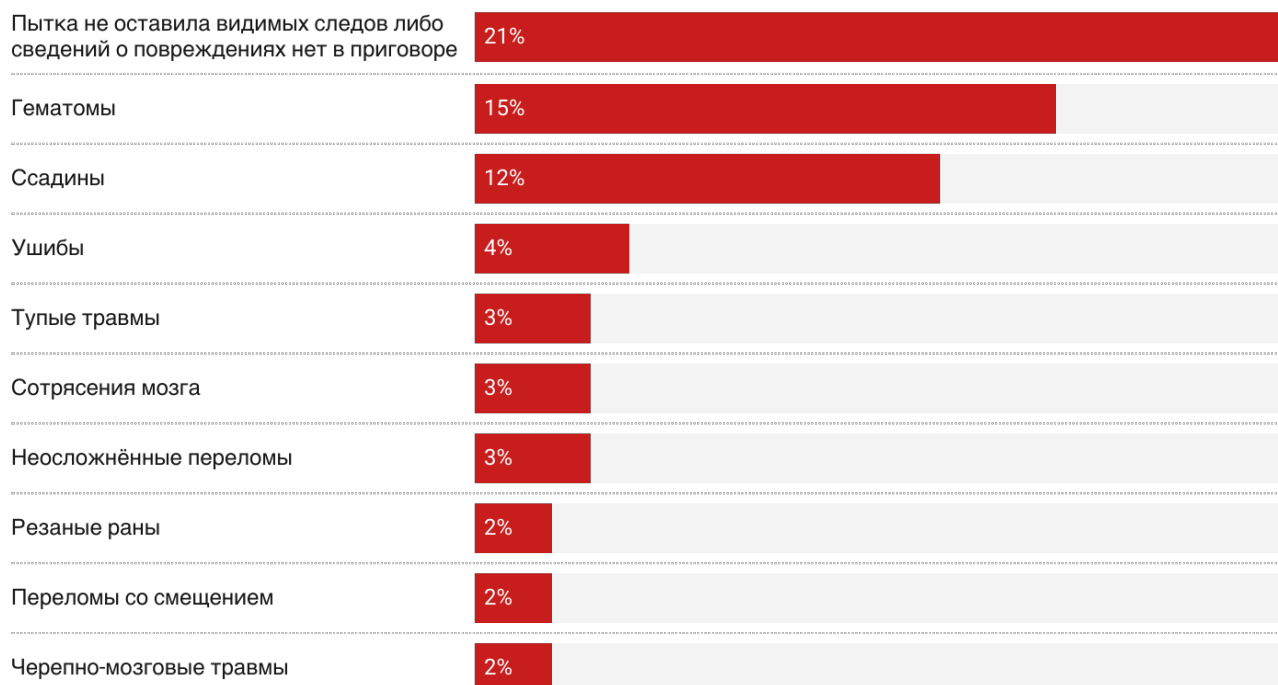
не длящегося дольше нескольких минут. Длительные пытки, растянутые на часы и дни, являются скорее исключением из правил.

Основными точками воздействия являются голова, лицо и конечности пострадавших. Примерно в 80% части тела выше груди страдают в первую очередь. Если силовикам удаётся повалить пострадавших на пол после боевого приёма, то чаще всего повреждаются ноги и туловище — при этом очень редко из приговоров можно сделать вывод о том, целился ли пытатель в конкретную часть тела или же он бил и пинал «наугад».

Про последствия

Чаще всего побои, описываемые в текстах судебных решений, **не приводят к каким-либо существенным повреждениям**, а случаи фиксации серьёзного вреда здоровью достаточно редки. Зачастую у пострадавшего и вовсе либо не остаётся никаких видимых следов от воздействия, либо данные о них вымараны или не отражены в приговоре. В случаях, если мы достоверно из текста решения знаем о характере повреждений, то чаще всего это ушибы, ссадины и гематомы. Переломы, черепно-мозговые травмы, сотрясения и прочие схожие последствия, согласно опубликованным приговорам, встречаются не больше, чем у 6% пострадавших.

Силовое насилие далеко не всегда оставляет после себя следы и имеет последствия

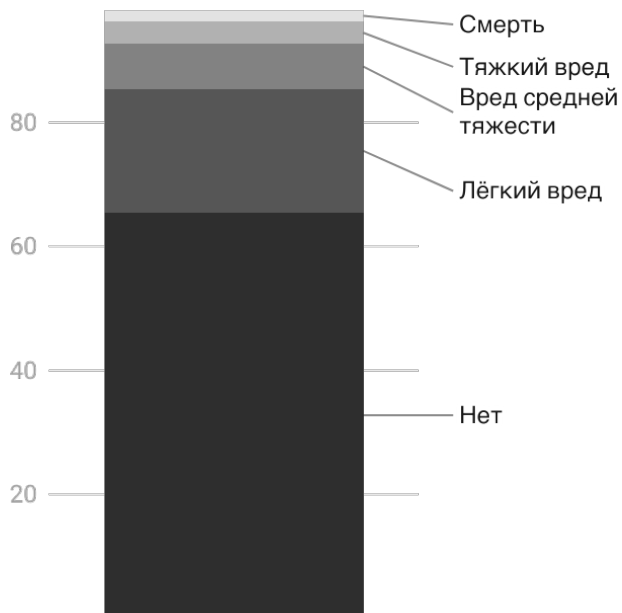

При этом об описании травм и тем более степени тяжести вреда, причиняемого здоровью пострадавших, стоит говорить с большой осторожностью главным

образом потому, что в большинстве случаев фиксация вреда происходит не сразу, что приводит к утере физических следов, а качество медицинских освидетельствований не всегда позволяет достоверно задокументировать травмы.

Также, как показывает наблюдение Команды против пыток, нередки случаи, когда заключение судебно-медицинской экспертизы не отражает степени тяжести вреда здоровью, и это может быть связано в том числе с бюрократическими причинами.

Бывает и так, что качество оформления первичных медицинских документов и амбулаторных карт не позволяет экспертам зафиксировать вред, причиняемый здоровью пострадавшего. Например, человек три недели (срок, необходимый для констатации тяжкого вреда здоровью) лечится от последствий условной черепно-мозговой травмы, оформляет больничный, наблюдается всё это время у невролога — но из-за плохого заполнения врачами карт и справок, в которых неверно или неинформативно описаны повреждения, или, например, отсутствия каких-то документов эксперт потом не может принимать во внимание диагноз, поскольку он не подтверждён документально. В действиях эксперта нет злого умысла, но он при проведении судебной экспертизы связан качеством первоначальных документов.

Стоит отметить, что к смертельному исходу пытки приводят нечасто. Среди изученных приговоров подобные кейсы единичны. Например, в Курской области был **случай**, когда нетрезвый командир, выпивший около двух бутылок водки, остался недоволен отказом солдат идти на СВО и начал хаотично стрелять по шеренге и убегающим военнослужащим. В результате один из юношей погиб, ещё одному был причинён средней тяжести вред здоровью в виде огнестрельного ранения бедра. Приговор был вынесен летом 2023 года.

Реформа (пока что) не изменила практик

Традиционно применение силы суды квалифицируют по пункту «а» части 3 статьи 286 УК РФ (превышение полномочий с применением насилия). Однако в нашей выгрузке встречались дела, когда даже при упоминании в тексте решения побоев или других физических издевательств соответствующий квалифицирующий признак (с применением насилия) вовсе отсутствовал [1, 2]. Отсюда можно предположить, что порой суды в целом довольно лояльны к насилию и не всегда оценивают его как значимый элемент правовой оценки.

Оценить и описать объективную сторону пыток, квалифицируемых по новым частям 4 и 5 статьи 286 УК РФ, всё ещё довольно сложно из-за малого числа приговоров, в том числе опубликованных. Это не означает, что пытка в России — штучное событие. Во-первых, необходимо помнить, что трек расследования «пытчного» дела довольно длинный — от события до поступления дела в суд и вынесения окончательного решения могут проходить годы. Другими словами, часть фактов насилия, которые в нынешней редакции УК РФ можно было бы квалифицировать по новым статьям как пытку, могла ещё не дойти до стадии судебного разбирательства; а сейчас суды в большей степени работают с теми делами, которые квалифицируются по Уголовному кодексу образца до 2022 года¹.

Однако из той части приговоров, что мы сумели обнаружить, — и с упоминанием новых статей о пытках, и при описании событий, которые, скорее всего произошли после введения новых составов в УК РФ², — становится очевидна проблема отказа

¹ В России действует правило, согласно которому человека могут судить только по той редакции Уголовного кодекса, которая действовала в момент совершения им преступления (за исключением случаев декриминализации норм или смягчения предписанной ответственности). Новые противопыточные составы вступили в силу 25 июля 2022 года — это означает, что события, предшествовавшие этой дате, даже если они полностью подпадают под понятие пытки, не могут быть квалифицированы как таковая.

² В тексте решений в подавляющем большинстве случаев вымараны даты совершения преступления. Мы можем предполагать примерный диапазон времени, в который произошли описываемые в решении события, по косвенным признакам — по редакции УК РФ, если она указана в приговоре, по дате поступления дела в суд, по датам, которые не были удалены из решения и т. д.

следствия и судов прямо называть применяемое насилие пыткой, даже если все её признаки налицо, и квалифицировать содеянное по новым частям. **В 95% изученных нами приговоров судьи либо просто ссылаются на общие нормы закона, устанавливающие запрет пыток (и это единственное присутствие «пытки» в решениях), либо при упоминании насилия вообще не вписывают это слово в приговор.** У системы отсутствует язык, чтобы говорить о пытке, и воля, чтобы называть насилие своим истинным именем.

Вероятно, всему виной сама формулировка закона, дающая лазейки для правоприменения. Новая редакция статьи 302 (принуждение к даче показаний), действующая с 2022 года, вводит типологию типов воздействия — **насилие, истязание и собственно пытка**. Чем они отличаются между собой, остаётся неясным. Высшие суды также ещё не сформулировали никаких внятных рекомендаций, как отличать насилие от пытки — и это позволяет судам выносить очень разные приговоры, сравнивать которые между собой довольно сложно. При наличии возможности называть побои, принуждение к показаниям или иные причиняемые умышленно страдания просто «насилием» правоохранители ею охотно пользуются. **Что они могут подразумевать под пыткой на самом деле, не показывает даже анализ текстов опубликованных решений.** Как правило, они не содержат полных и содержательных мотивировок.

К примеру, пять приговоров по новому противопыточному составу (часть 4 статьи 286 УК РФ), размещённых на сайтах судов, касаются одного дела: в феврале 2023 года пятеро командиров на протяжении четырёх дней пытали шестерых военнослужащих в наказание за употребление наркотиков¹. Их били руками, ногами и дубинками, приковывали наручниками к турникету, применяли электрошоковое устройство, заставляли пить мыльный раствор и есть сигареты. При этом приговоры не содержат описания травм солдат. Заключив досудебные соглашения о сотрудничестве, все пятеро фигурантов признали вину и в итоге услышали обвинительные приговоры, получив перед этим прощение пострадавших.

Пыткой в юридическом смысле было названо и одно **дело** из Якутии: в нём полицейский избил пострадавшего, нанося ему удары в том числе в голову, а между ударами говорил: «Я тебе разобью яички», целился ему в пах и угрожал справить на него нужду. При этом самого потерпевшего, которого приковывали к лестнице, не отпускали в туалет и лишали сна. Судя по описанию фабулы в тексте приговора, пытки продолжались довольно продолжительный промежуток времени.

¹ По каждому из них вынесено отдельное решение — 1, 2, 3, 4 и 5.

Ещё один экс-полицейский получил **приговор** по «пыточной» части статьи 286 УК РФ за избиение задержанного — находясь в состоянии алкогольного опьянения, он на протяжении часа выбивал из последнего признание в незаконном обороте оружия. **Вероятно, в описанных случаях обычное насилие и пытки судьи разводили по критерию жестокости, продолжительности и неоднократности силового воздействия.** Но это не универсальное и не повсеместное правило. В аналогичных случаях суды (в том числе в тех же регионах) не руководствовались той же логикой и продолжали судить фигурантов по привычному пункту «а» части 3 статьи 286 УК РФ, называя произошедшее «обычным» насилием.

Именно так поступил суд в одном из **дел о пытках** в полиции. Он решил переqualифицировать дело с части 4 (пытка) на часть 3 (насилие) статьи 286 УК РФ, аргументировав это следующим: «В сравнении с "обычным" насилием пытка причиняет "сильную боль", "физические страдания". Пытка причиняет именно страдания, о чем может свидетельствовать как интенсивность применяемого в отношении потерпевшего насилия, так и его продолжительность. Само по себе нанесение ударов по телу потерпевшего было направлено на подавление его воли, но не может свидетельствовать об умысле [подсудимого], направленном на причинение именно особых физических страданий». В данном деле речь шла о полицейском, который решил раскрыть наркотическое преступление: среди прочего, он избил человека, при котором не были найдены наркотики, а после приставил к нему оружие и угрожал ввести дуло автомата ему в задний проход. Суд в этом же решении дословно пишет о страданиях, пережитых потерпевшим, но всё равно продолжает настаивать на том, что пытки не было.

Похожим примером может послужить оправдательный приговор по той же части 4 статьи 286 УК РФ — суд и там попытался поверхностно рассуждать о пытке, а не сухо переписывать её определение из закона. Однако в итоге всё же пришёл к выводу об отсутствии не только пытки в действиях силовика, но и какого-либо насилия. В Курской области полицейский, снявший с поезда нетрезвого пассажира, применил к нему силу. Суд посчитал действия силовика правомерными и сослался на правило о необходимой обороне, ведь последний опасался нападения на себя и попыток завладеть его табельным оружием. «В осуществление задуманного [потерпевший] <...> умышленно не менее двух раз ударился своей головой о конструкции конкорса с целью получения телесных повреждений, в которых позднее он мог бы обвинить сотрудников полиции, — пишет в **решении** суд. — В указанном случае ни о какой пытке, не может быть и речи».

Ещё одна переqualификация, не сопровождаемая содержательным обоснованием, случилась в **деле** о вышеупомянутом незнании характеристик каски: «В судебном

заседании государственный обвинитель просил исключить из объема обвинения <...> квалифицирующий признак “с применением пытки” <...>, поскольку в рассматриваемом случае [подсудимый] не совершал действий, связанных с пыткой». И снова, как правоприменитель вычленяет пытку из другого насилия — остаётся за скобками.

Любопытно, что о переквалификации «пыток» на «насилие» нередко¹ просит гособвинитель — а суд, **связанный** его позицией и не имеющий возможности самостоятельно вынести приговор по более тяжкому составу², выносит соответствующее решение (и тем самым как бы снимает с себя обязанность аргументировать смягчение обвинения). Так, например, случилось на Камчатке. В **одном из дел** несколькими фигурантам переквалифицировали по просьбе гособвинения статью с «пыток» на «насилие», несмотря на разрыв селезёнки и тяжкий вред здоровью пострадавшего. Его пинали ногами, обутыми в тяжёлую спецобувь, к нему применяли перцовый баллончик и бросили его с травмой на месте, куда его привезли в багажнике служебного автомобиля. Аргументации у такого решения не было, — хоть прокурор и **обязан** мотивировать изменение квалификации, а суду **надлежит** эту мотивировку рассмотреть, — как и не было, по мнению правоприменителей, и пытки.

Всё это говорит о том, что даже изменения законодательства (пока что) не привели к содержательным изменениям представлений государства о пытках и силовом произволе — **новые нормы не породили массу дел, а эпизоды насилия консервируются в прежней, более лояльной правовой квалификации.**

¹ В нашей подборке из 18 опубликованных решений о смягчении квалификации гособвинение просило в шести случаях.

² В целях обеспечения права подсудимых на защиту и в рамках реализации принципа состязательности сторон суды не могут выносить приговоры по более тяжкой статье, чем предусмотрено обвинительным заключением (постановлением, актом) или чем просит государственный обвинитель, который может полностью или частично отказаться от обвинения или смягчить квалификацию. При несогласии с более мягкой квалификацией суд может вернуть дело на доследование — такую возможность **с подачи** Конституционного суда РФ внесли в УПК РФ в 2014 году — но не указывая следствию и прокуратуре на конкретную норму, по которой следовало бы судить обвиняемого.

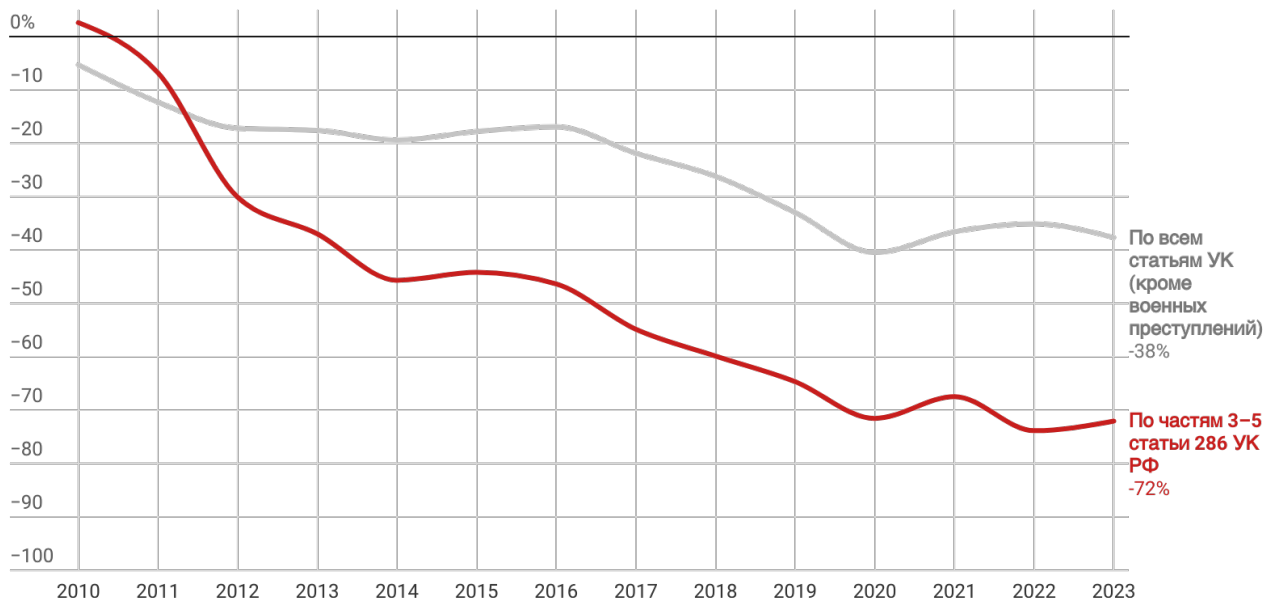
Технически именно этим путём могли пойти суды, чтобы пресечь попытки гособвинения смягчить ответственность тех, кого судят за пытки и силовой произвол.

Справедливые наказания?

Общее число осуждённых за превышение полномочий с годами неизменно сокращается. За последние 15 лет их стало меньше на 72%. Тренд на постепенное уменьшение количества подсудимых и осуждённых характерен для всей структуры судимости по России — однако по должностным преступлениям скорость сокращения абсолютного числа осуждённых выше среднего по стране почти в два раза.

Число осуждённых по «пыточной» статье с годами сократилось на 72%

При этом скорость сокращения общего числа осуждённых по России меньше почти в два раза

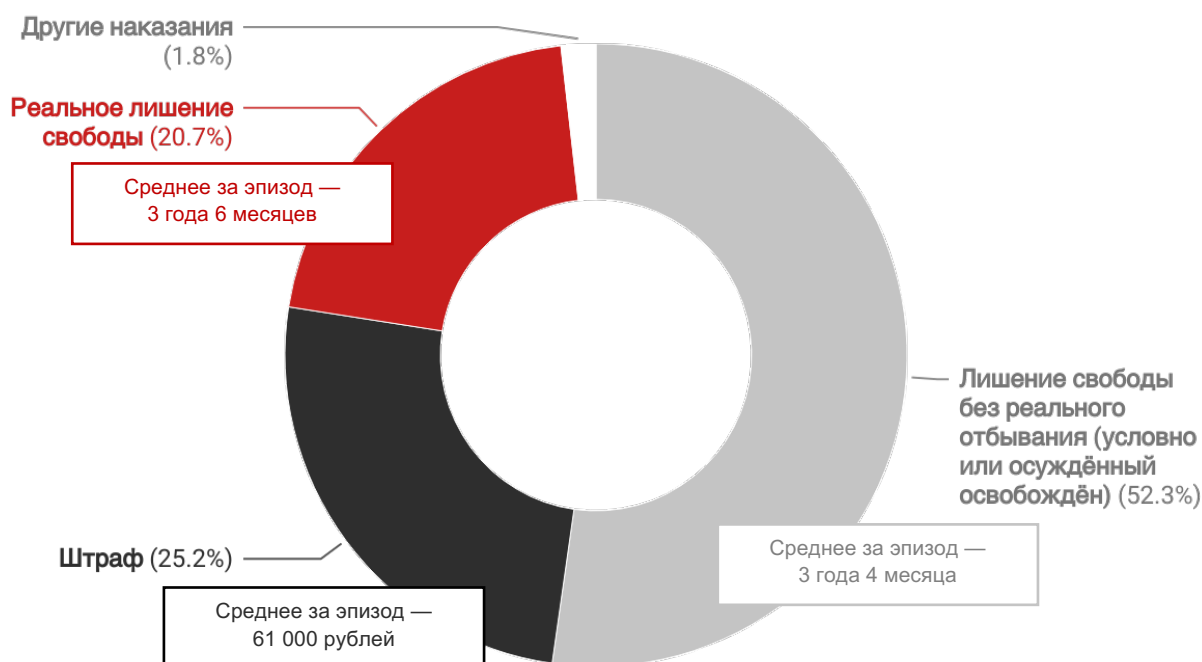
При этом самая высокая доля оправдательных приговоров — почти в 25 раз выше, чем по другим статьям, — также приходится на чиновников и силовиков, приговоры которым выносятся всё по той же части 3 статьи 286 УК РФ.

**Только 20% пытателей
отправляются в колонии, а цена
одной пытки — всего 61 000 рублей**

Отправиться в колонию за силовое насилие действительно довольно сложно. Как показывает анализ выгруженных приговоров, ровно четверть осуждённых отщипываются за насилие штрафом, при этом один эпизод преступления оценивается судом в 61 000 рублей, которые осуждённый должен перевести не пострадавшему, а в федеральную казну.

Суды не склонны проявлять суровость к фигурантам «пыточных» дел

Лишь пятая часть осуждённых по частям 3–5 статьи 286 УК РФ отправляется в места лишения свободы

73% силовиков получают наказание в виде лишения свободы, **но меньше трети из них отправляется в колонии на реальную изоляцию.** Часть 3 статьи 286 (насилие) предусматривает вилку от 3 до 10 лет лишения свободы, часть 4 (пытки) — от 4 до 12 лет, часть 5 (пытки со смертью пострадавшего или причинением тяжкого вреда здоровью) — до 15 лет. При этом средний реальный срок, который получают силовики за один эпизод, сочтённый судами насильственным превышением полномочий,

в среднем составляет примерно 3 года и 6 месяцев. Это не доходит даже до середины, предписываемой законодателем.

Если брать срез лишь по «пыточным» приговорам, то из всех найденных нами осуждённых по части 4 статьи 286 УК РФ только пятеро отправились в места лишения свободы. Назначенные им сроки за один эпизод пытки без учёта совокупностей не превысили 4 лет и 6 месяцев, что всего на год больше обычного срока за применение насилия и также не дотягивает до середины, заложенной законодателем.

Суды делают всё, чтобы смягчить пытателям наказание: 4 осуждённых из 10 получают наказания ниже низшего

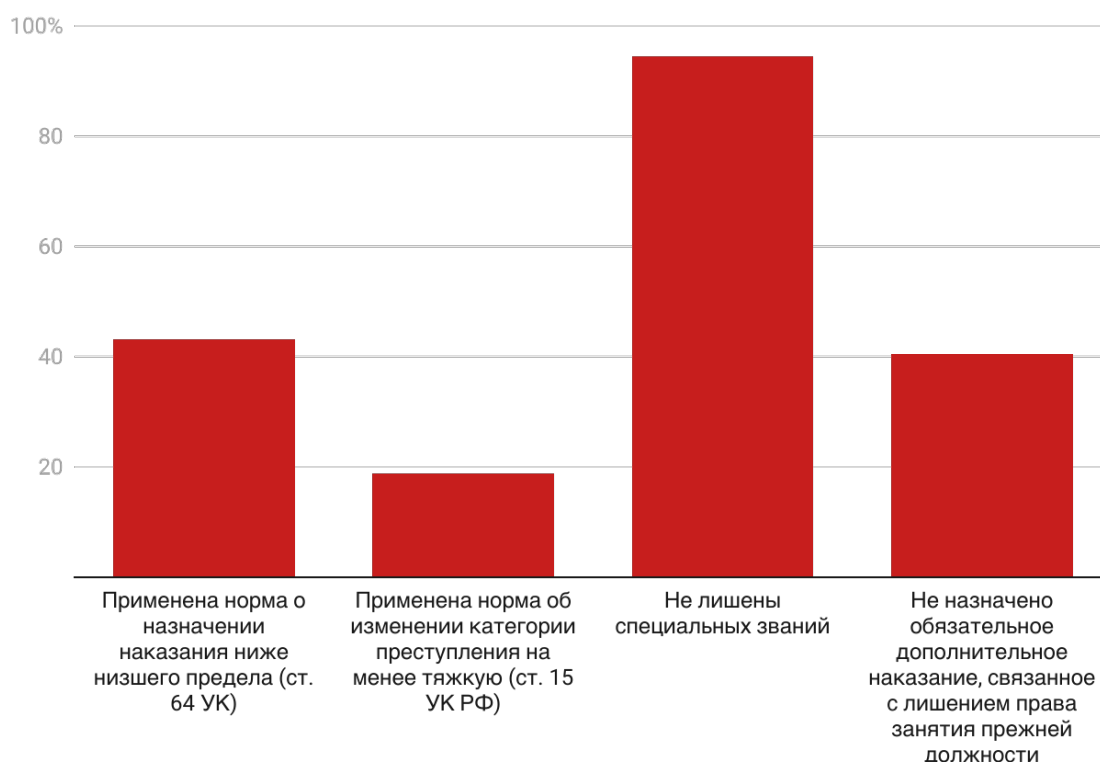
Такая лояльность к пытателям становится возможной благодаря применению нормы о назначении наказания ниже низшего предела (статья 64 УК РФ). Она применяется, если суды приходят к выводу о том, что предусмотренное законодателем наказание слишком сурово и не будет отвечать требованиям соразмерности и справедливости. Больше чем в 40% «пыточных» случаев суды применяют этот правовой инструмент — при том что более мягкое наказание, чем предусмотрено статьёй, в 2023 году суммарно по всем составам УК РФ было назначено лишь каждому 20-му осуждённому в России. И снова Фемида лояльнее к представителям власти, нежели к простым согражданам.

Также суды, если речь идёт о пытках, нередко склонны менять категорию преступления на менее тяжкую (статья 15 УК РФ). По умолчанию применение насилия (часть 3 статьи 286 УК РФ) является тяжким, а пытка (части 4 и 5 статьи 286 УК РФ) — особо тяжким преступлением. В 2023 году лишь 2% осуждённых по всей России изменили категорию тяжести содеянного, но в случае с силовым насилием суды проявляют лояльность почти в 10 раз чаще.

Получается, что совершённые пытателями преступления в глазах правоприменителя являются менее тяжкими деяниями, чем задумывал законодатель. Получить максимальные 10, 12 или 15 лет лишения свободы за пытки практически невозможно — такое происходит лишь в случае, если с насилием и пыткой суммируется какое-то другое преступление и суд рассматривает совокупность составов. Равно как и не всегда пытателям запрещают работать на прежнем месте: хоть нормы частей 3–5 статьи 286 УК РФ обязывают судей вместе с лишением свободы лишать осуждённых

права занятия прежней деятельностью, более 40% виновных в насилии могут вернуться к прежней работе. Вместе с тем колоссальное число осуждённых сохраняют и специальные звания: после приговора вполне возможно остаться майором или подполковником.

Какие способы используют суды, чтобы выносить пытателям мягкие приговоры

Всё это означает, что суды, несмотря на всю серьёзность проблемы силового насилия, по-прежнему относятся к пытателям снисходительно, подыскивая любой способ снизить им наказание. Оправдывают в решениях такую доброту судьи весьма стандартно. Среди смягчающих обстоятельств для силовиков суды перечисляют обыденные формулировки: наличие детей, благодарностей по службе, незапятнанную ранее репутацию. Для военных актуальным является обстоятельство участия в «операциях по защите Родины», будь то контракты и командировки в Чечню, Сирию или Украину. В некоторых приговорах отмечается желание осуждённых вновь отправиться на СВО или же деятельное участие в работе благотворительных организаций, помогающих военнослужащим.

О чём это всё говорит

Статистика по-прежнему не позволяет анализировать масштаб проблемы пыток в России — восемь приговоров по новым противопыточным составам в отчётных формах за два года даже примерно не отражают истинную распространённость этого явления в стране. Несмотря на изменения, внесённые в 2022 году, анализ практики по делам, связанным с силовым произволом, не показывает радикальных сдвигов в правоприменении: новые нормы не изменили в лучшую сторону портрета пытки и не уменьшили число приговоров за побои, издевательства и унижения в полиции; а суды по-прежнему сопротивляются изменениям и не видят существенной разницы между насилием и пытками.

С одной стороны, дело в порочном законе — половинчатая реформа оставила судам возможность избегать слова «пытки», подменяя его более мягкими, с их точки зрения, синонимами, с другой — дело в отсутствии у судов внятных критериев и границ, пересечение которых могло бы повлечь за собой вынесение более строгих приговоров. Судьи, которые пытаются понять разницу между «насилием», квалифицируемым по части 3 статьи 286 УК РФ, и пыткой из соседних частей 4 и 5, словно прочерчивают пунктирной линией разграничение: для них пытка — это что-то длительное, извращённое и особо жестокое. Что-то, что должно особо выделяться и, скорее всего, внушать страх. Но такие критерии похожи на бытовые и максимально далеки от правовых категорий — и уж тем более от международно-правового определений. Практически всё, за что судят российских силовиков и что мы видим в текстах решений, в **общепринятых во всём мире понятиях** без полутонов **должно называться именно пыткой**. К этому осознанию российская практика ещё не пришла.

Мы давно знаем о том, что наказание за силовой произвол в России нельзя назвать соразмерным тому ущербу, который наносит пытка. Решаясь на насилие, силовики лишаются не только доверия от общества, но и возможности добросовестно выполнять свою работу: показания и результаты, полученные после применения

пытки, не могут считаться достоверными. Избивая заключённых, сотрудники ФСИН исключают вероятность нормального исправления осуждённых, порождая риски рецидива и делая всю систему исполнения наказания бесполезной. Раздавая тумаки солдатам, командиры подрывают доверие общества ко всему институту армии и порождают нормализацию насилия. А нормализованное насилие всегда разрастается и укореняется. Однако государство в лице судей, назначающих мизерные сроки лишения свободы за пытки или вовсе позволяя откупаться от преступления штрафами, лишь поощряет насильственные практики и спонсирует их экспансию.

Вместе с тем ошибкой будет сказать, что реформа оказалась бесполезной. Во-первых, с момента введения в УК РФ новых составов прошло не так много времени — мы можем делать первые выводы, но, возможно, в будущем тенденции будут меняться. Во-вторых, в правозащитной работе порой удаётся добиваться единичных, но важных результатов.

В одном из подобных кейсов правозащитникам удалось добиться отмены приговора, вынесенного по части 3 статьи 286 УК РФ — апелляционный суд поспорил с государственным обвинителем и судом первой инстанции, которые не разглядели пытки в деле жителя Нижегородской области Александра Шарфутова — он получил удар электрошокером за просьбу принести ему одеяло. Не согласившись с квалификацией и чрезмерно мягким наказанием, апелляционная коллегия **отправила дело** на пересмотр, отдельно добавив, что аргументация государственного обвинителя, немотивированно решившего исключить из квалификации пытки, выглядит слабой и не соответствует требованиям закона. В подобных делах новые противопыточные нормы могут послужить основанием для ужесточения ответственности тем, кто, будучи наделённым властью, допускает в своей работе применение насилия.

Станут ли такие кейсы единичными, покажет время.

О материале

Аналитическая записка составлена на основе судебных решений, выгруженных с сайтов российских судов 25 июня 2024 года. Некоторые ссылки на судебные решения могут не открываться из-за **падения** ГАС «Правосудие».

Парсер для получения текстов разработан командой проекта **«Если быть точным»** — ссылка на его скачивание и инструкции по установке находится **здесь**.

Гайд по возможностям и работе с парсером можно посмотреть **по ссылке**.

Для цитирования:

Пытки в России: нормы новые — практики прежние. Аналитическая записка. — Нижний Новгород : Команда против пыток, 2024. — 27 с.

© Команда против пыток, 2024

Распространяется по лицензии Creative Commons «Attribution» CC BY-NC-SA 4.0

